

Каким ты будешь, советский город?

РОЖДЕНИЕ СТИЛЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

чувству такта и меры, художественной правде. Создавая социалистический стиль советской архитектуры, мы создадим свою классику, имеющую свои неповторимые формы, по-настоящему современные и свежие.

На Первом съезде советских архитекторов наш гость — крупнейший французский архитектор Френсис Журден правильно сказал, что первый урок, который нам следует извлечь из прошлого, «это то, что мы не должны слепо подчиняться этому прошлому. Все великие архитекторы прошлого были в свое время архитекторами современными, и постоянное стремление вперед, жажда современности характерны для всех великих мастеров искусства... Традиция должна вести вперед, а не назад. Если бы это было иначе, человечество продолжало бы и в наши дни жить в пещерах доисторической эпохи».

Сейчас, решая гигантские строительные задачи, следует помнить остроумное замечание Вяземского: «Лучшее, в чем нужно подражать древним, — это не подражать им». Что являлось нашей серьезнейшей ошибкой в тридцатых годах? Отказавшись от увлечения конструктивной стороной зодчества, мы стали понимать архитектуру только как искусство создавать художественные образы, базирующиеся на реминисценциях прошлого. Причем освоение наследия, по существу, превратили в «присвоение» готовых образов и форм. Из триединой формулы «польза, прочность, красота», еще в первом зене сформулированной Витрувием, стали неправомерно выпячивать третье слабое, поняв о первых двух лишь постольку, поскольку без них архитектура физически существовать не может. Отсюда рождался формализм, рождались декоративные излишества. Мы стали механически переносить на архитектуру положения и принципы эстетики искусства и литературы, не учитывая природы этого совершенно своеобразного и специфического вида искусства. Ведь архитектура неразрывно связана со строительной техникой, с производством, материалами, экономикой, природой, бытом — короче, со всем тем, что делает ее сперва материальным благом, а затем искусством. Так, одним из положений реализма в литературе является отражение действительности в художественных образах. Это считалось аксиомой и для зодчества. Но ведь архитектура сама является материальной действительностью!

Ошибкой являлось и то, что в предвзятую схему фасада (причем, рожденную в совершенно иных социальных и материальных условиях) произвольно вписывалось любое содержание — жилой дом, детский сад, клуб, больница, школа. Естественно, что такое насилие над формой, когда архитектор игнорировал назначение сооружения, идя от предвзятой художественной концепции, приводило к печальным результатам. Украшение здания под флагом «отражения величия эпохи» стало самоцелью. Забота о человеке, о создании для него максимальных удобств в труде и быту заменялась показной красотой, пышной декорацией фасадных плоскостей. Так рождались колонные фасады, за которыми размещались затененные комнаты, неудобная планировка квартир. За лозунгом освоения наследия пряталась безразличность к человеку.

Поэтому неверно думать, что основой и единственной причиной суровой критики партии и правильным делом деятельности архитекторов являлась дороговизна сооружений. Нет, слов, экономика — один из определяющих факторов в строительстве. Но даже если бы вся мишура, обильно украшавшая наши здания, ничего не стоила, с ней следовало повести беспощадную борьбу. Истизна — это понятие глубоко чуждое нашей идеологии, социалистическому строю.

Почему мы сочли необходимым вернуться к прошлому этапу нашей архитектуры? Да потому, что и сейчас находим его защитников,

которые под видом критики недостатков современной архитектуры (а их еще очень много, так как далеко не все то, что проектируется и строится в наших городах, отмечено печатью высокого вкуса, еще много серых, безликих зданий, есть и образцы некритического подражания западноевропейской архитектуре) пытаются повернуть нашу архитектуру вспять.

Эти настроения ярко выражены в статье И. Ганенко «Против чуждых влияний», опубликованной в № 4 журнала «Октябрь». Мы оставляем на совести автора оскорбительно-высокомерный, поучающий тон. Тов. Ганенко сетует на то, что архитекторы сегодня считают «просто неприличным» применять классические образцы в современном строительстве. Оказывается, именно сейчас, когда объявлена справедливая война архитектурным излишствам и бездумному украшательству, «бесталанной и беспринципной» архитектор почувствовал себя крепко сидящим в седле, так как он, дескать, может создавать современную архитектуру, оперируя одними голыми конструкциями. Нет, тов. Ганенко, вы глубоко неправы. Нельзя из одних конструкций создать архитектурное произведение, как нельзя создать его из «классических образцов». И в том, и в другом случае такая попытка будет электичной.

Но нельзя не видеть и не понимать, что сейчас, когда на смену кирпичу, камню, дереву пришли железобетон, крупная панель, сборность, по существу, произошла революция в материальной основе архитектуры, так как решается практически вопрос о машинном производстве домов. А оно требует от архитектора совершенно иных познаний, чем познания Захарова, Казакова, Воронихина и других классиков архитектуры.

Наметив на XXI съезде величественную программу строительства, партия дала для ее успешной реализации могучую технику. Только на высокой индустриальной основе возможно выполнение планов промышленного, жилищного, общественного и коммунального строительства. Сборность, сборность и еще раз сборность — вот генеральный путь строительства! А это означает, что в тех сборных элементах, которыми ныне оперирует архитектор, надо уметь искать и находить новые эстетические закономерности.

Пусть это прозвучит парадоксально, но мы должны создать в теории архитектурной композиции новые каноны и закономерности, может быть, иногда и противоречащие классической архитектуре прошлого. Например, раньше понятие «монументальный» было синонимом «тяжелого», а ныне мы всячески добиваемся максимального облегчения веса здания за счет изменения конструкций и материалов.

А это в свою очередь вызовет изменение понятий гармонических закономерностей, пропорциональности, метра, ритма, масштаба, симметрии и асимметрии, — короче говоря, всего того, что было освящено веками архитектурно-строительного опыта и традиций. Изменится отношение к пространству как фактору композиции.

Принципиально иным станет и отношение к классу точности строительства: если раньше были возможны допуски во много сантиметров, то теперь они должны исчисляться миллиметрами и микронами. Лишь тогда резко улучшится качество строительства, которое сегодня вызывает справедливые нарекания.

Никогда еще вопрос о творческом содружестве архитектора, скульптора, художника-монументалиста, художника-прикладника не стоял так остро, как он стоит сейчас. Создания города, реконструируются целые кварталы и районы. Какие возможности открывает это для города — спутник Москвы — Кроково для творческого содружества архитекторов, художников, скульпторов.

Предстоит выработать единый социалистический стиль, который пронизывал бы собою все, начиная от общей композиции города, площади, улицы, до квартир и ее убранства, от статуи, украшающей город, до крючка на вешалке в квартире.

Объемная скульптура, барельефы и горельефы, мозаика и майолика, покрывающие стены общественных зданий, декоративные ткани, мебель, декоративные фарфор, фарфур и многое другое, что украшает и обогащает быт, должно стать предметом совместных творческих усилий архитекторов и художников.

Еще в 1918 году Владимир Ильич Ленин подписал знаменитый декрет о монументальной пропаганде, а как мало сделано до сих пор для его реализации! Принято более 50 постановлений об установке памятников выдающимся людям и событиям в Москве, свыше 40 из них до сих пор не выполнены. Мы устанавливаем по одному памятнику в год-два, и то не всегда высокого качества. Взять хотя бы памятник Репину (скульптор М. Манин); мы видим не вдохновенного пропагандиста искусства, а бесстрастно-холодного ремесленника. Хорошая скульптура Маяковского (скульптор А. Кибальников), к сожалению, ухудшена pedestalом — неудачным по пропорциям и фактуре. По Маяковски было бы много лучше установить фигуру на простом кубе или параллелепипеде. Этот пример является показателем отсутствия органического синтеза скульптуры и архитектуры.

Не создано ни одного достойного произведения архитектуры с монументальной живописью. Развитие монументального искусства должно идти под знаком настоящих, больших исканий. Мы

совершенно не считаем, что это должны быть формалистические выкрутасы, но нам кажется, что, оглядываясь на передвижников, монументальную живопись сегодня решить нельзя. Абстракционизм — не наш путь, но абстракционизм и современность — не синонимы. Современность — это и Роквелл Кент, и Ренато Гуттузо, и Диего Ривера, и некоторые реалистические полотна Пикассо. В ряде случаев бесспорная живопись может иметь место в росписях, в орнаменте. А мы иногда берем русскую или украинскую вышивку и из нее создаем орнамент. «Национальный по форме», хотя это часто псевдонациональный суррогат, весьма далекий от подлинно народного искусства. Мы абсолютно убеждены, что в самом существе социалистического общества, строящего свою культуру и искусство, заложено новаторство, и поэтому наше изобразительное искусство должно развиваться в исканиях и совершенствовании, которые неизбежно связаны с риском, а порой и с ошибками. Но, создавая новое, не надо бояться риска.

К сожалению, мы, архитекторы, сильно расходимся с художниками в оценке произведений изобразительного искусства. Мы далеки от мысли критиковать всю выставку «Советская Россия». Здесь много хороших произведений, радуют глаз многие экспонаты декоративно-прикладного искусства (ткани, посуда, керамика). Однако на выставке немало серых, невыразительных картин, в которых нет цвета, света, колорита, пластики.

Хорошо, что изобразительное искусство стремится отобразить нашу современность в художественных образах. Но плохо, если эти высокие идеи компрометируются примитивным исполнением. Нам представляется, что на таких выставках должно быть больше вещей, которые отмечены печатью новаторства, поисками новой формы, адекватной новому содержанию.

Что такое, с точки зрения живописца, картина Лактионова «Обеспеченная старость»? Правильно ли она воспринимает общественный вкус? Являются ли высокая ремесленная техника и фотографически точное воспроизведение природы подлинным искусством или нет? Эти и другие вопросы требуют разрешения. Выставка ставит кардинальный вопрос, кто писать и как писать. Нужно повышать требовательность к произведениям искусств. Мы считаем, что Академия художеств недостаточно развивает теорию, не ведет разработки проблем мастерства.

Нам обязательно следует найти при современных возможностях (государственные мастерские, широкая производственная база) формы совместной работы. Нам нужны страстные, творческие дискуссии, споры, борьба мнений и выработка единых позиций с собратями по искусству, художниками-монументалистами, чтобы линия развития как архитектуры, так и других искусств была общей, — только тогда мы сможем создать единый социалистический стиль нашей эпохи, стиль, который радовал бы, волновал, вызывал чувство гордости и хорошей зависти у потомков, которые помянут добрым словом тех, кто создавал для них удобные и красивые города.

ДВЕ РЕПЛИКИ

Согласования...

Творческий почерк архитектора, свойственный только ему одному, должен отмечать все его произведения. Хотелось бы, чтобы из нашей молодежи выросли мастера-архитекторы со своим индивидуальным почерком. Мастера, которые создали бы архитектуру, достойную современников, произведения, которые вошли бы в список лучших работ мировой архитектуры.

К сожалению, несмотря на то, что в архитектуре сейчас принято правильное направление, метод проектирования и рассмотрение проектов остался прежним.

Проект автора, даже если это известный архитектор, которому без колебания доверяют самые ответственные постройки, проходит бесконечное множество рассмотрений и согласований, каждое из которых вносит в проект поправки и дополнения, иногда полностью уничтожающие первоначальную идею автора.

Эти поправки вносятся и людьми, имеющими к архитектуре отдаленное отношение (начальники ОКСов, УКСов, представители заказчиков или смежных архитектурной специализаций).

В результате сделанные иногда приобретает характер рядовой, ничем не примечательной постройки.

Усилия общественности, архитектурно-строительных советов и отдельных лиц, кроме всего прочего, должны быть направлены на то, чтобы поддерживать и выявлять индивидуальные качества архитектора, проявившиеся в той или другой его работе, а не сведения творчества архитекторов к единому среднему уровню.

Опасная тенденция «уравниловки», подкрепленная «теоретическими» рассуждениями о коллективном творчестве, о творческом лице не отдельных авторов, а целых учреждений (на некоторых построках теперь пишут: «Выполнено институтом «Моспроект», как будто «Моспроект» — это

живое существо), может привести нашу архитектуру к серьезным ошибкам.

На мой взгляд, следует изменить порядок рассмотрения и утверждения проектов, сократить количество согласовывающих и утверждающих инстанций, больше доверять архитектору как специалисту своего дела.

Необходимо создать комиссию, которая выработала бы ряд положений о рассмотрении проектов, их согласовании и утверждении, определила бы права авторов проектов.

А. ОБРАЗЦОВ, архитектор

Поспорим о вкусах

Иногда кажется, что наша архитектура как будто живет отдельной жизнью, не связанной с широкими массами. Существует университетские культуры, лекторы, кружки самодеятельности. Широкие массы знакомятся с музыкой, живописью, литературой. Пишут обо всем: о ювелирных изделиях, о модах, но мало кто пишет об архитектуре. Нет ни одной книги, доступной и интересной для неспециалиста. Полное незнакомство с сущностью и задачами архитектуры приводит к чудовищной безвкусице. Сладкая дребедень пустого украшательства принимается за архитектуру.

Поворот в творчестве архитектора не должен пройти только в среде архитекторов и отдельных лиц, понимающих это искусство. Нужно подготовить самые широкие слои населения к восприятию и пониманию современных архитектурных форм.

В печати не раз появлялись статьи о том, как смотреть живопись, как слушать музыку. Циклы лекций в университетах культуры и лекториях посещают массы слушателей разных возрастов, разных профессий и разной степени образованности. Но во всей этой огромной просветительской работе архитекторы принимают минимальное участие.

Лекции об архитектуре, нередко читаемые в общественных местах, посвящаются отдельным памятникам или городам. Но этого совершенно недостаточно для того, чтобы понять сущность архитектуры, ее значение и цели.

Есть ли возможность выработать вкус в области архитектуры, как это уже добились в области музыки, литературы и живописи?

Могут ли возникнуть грамотные споры вокруг новых сооружений, споры активные, страстные? На выставках и в музеях все чаще можно прочесть в книгах отзывы мнения вполне зрелые и грамотные, характеризующие несомненный рост знаний и понимания.

Случайные выставки архитектурных проектов в окнах магазинов и аптек, очевидно, не претендуют на отзывы зрителей. Да и зритель почти не подготовлен к оценке того, что демонстрируют архитекторы.

В 1958 году в ленинградском Политехническом институте организовался кружок истории архитектуры для студентов заинтересованных в самообразовании.

Это маленький кружок, но, кажется, единственный в своем роде. Если развить сеть таких кружков, чаще устраивать публичные лекции по истории архитектуры, вести в университетах культуры цикл лекций, задать краткий курс для неспециалистов, можно было бы побороть еще существующие кое-где косность и безвкусицу, и не только создавать, но и ценить новое и современное, что должна прийти в ближайшем будущем архитектура социалистического общества, без замствования и подражания, без чуждых по смыслу форм. И пусть спорт об архитектуре, спорт азартно и самозабвенно.

Е. БАЛАЗИ-ВАРОЧИНА, архитектор

Юго-западный район столицы. Новые дома на Ленинском проспекте.

Фото М. Трахмана

ГОЛОС ХОЗЯИНА

«Дом нужно строить в хорошем стиле, чтобы стоимость его сразу бросалась в глаза», — размышляет о своем будущем жилище один из героев «Саги о Форсайтах» Голсуорси. Писатель саркастически обменял здесь эстетику буржуазных домов на эстетику буржуазных домов. «Вы, должно быть, владели судом уйма денег», — спрашивает он, созерцая постройку. И, услышав подтверждение, начинает пылко восхищаться.

Голос самого этого «хозяина жизни» давно смолк на нашей земле. Его акценты и привычки существовали до сих пор. Но они постепенно выветриваются.

Деловито, вдумчиво звучит со страниц публицистики ниже писем голос нового, подлинного хозяина нашей страны.

Разумеется, авторы писем не во всем сходятся и каждый отстаивает свое мнение, за которым стоят и житейский опыт, и раздумья, и мечта.

А. ПОДРЕЗ:

Трудно найти более благородную профессию, чем профессия архитектора или строителя. Эта профессия и обязывает ко многому. В руки строителя народ отдает огромные средства. Берите! Стройте! Людей, взявших в руки огромные народные средства, народ же обязывает строить дешево, красиво, удобно, с расчетом на будущее.

Мало дать человеку установленное количество метров жилья. Нужно подумать: а соответствует ли это жилье советскому человеку, его духовным потребностям, украсит ли это жилье его жизнь?

Хотелось бы, чтобы новые дома улыбались широкими окнами, были полны света, были удобными; чтобы, находясь в них и среди них, человек воспринимал в себе чувство прекрасного, глядя на их изящество и простоту форм.

МИНСК

К. НОВОСЕЛОВА:

Самарканд — липа земли, говорят узбеки. Действительно, наш город привлекает толпы туристов из многих стран мира своей древней архитектурой.

А строится ли в Самарканде новые, современные здания? Конечно! Возводятся даже целые ансамбли. Но почему в общем облике города эти здания незаметны: их трудно разглядеть. А вот архитектурная безвкусица некоторых современных построек бросается в глаза.

он помечтал, подумал о том, как сформировать такой город Востока, чтобы про него сказали: вот это действительно лицо земли.

САМАРКАНД

А. ГРАВЕС:

Члены будущего коммунистического общества не будут в обиде на зодчих нашего времени за то, что получают в наследство не вызывающие изумления простые жилые дома, если в них будут вполне благоустроенные квартиры, если чистые улицы жилых кварталов будут утопать в зелени, если воздух не будет отравлен отходящими от производств газами и дымом, если ясли, детские сады, столовые, школы, магазины будут находиться недалеко от жилья. Практика городского строительства убеждает нас в том, что хорошо спланированный жилой квартал вызывает чувство радости даже тогда, когда застроен однообразными домами без окраски и без каких-либо украшений.

МОСКВА

Н. ТРИБУНСКИЙ:

Нам нужны не только хорошие квартиры, но и хорошо благоустроенные и озелененные города-сады. В этом деле не должно быть равнодушных.

СТАВРОПОЛЬ

ГРУППА ЧИТАТЕЛЕЙ:

Считаем, что сейчас следует в корне изменить жизнь пригородов. Для этого не так уж много нужно! Не обязательно ждать того времени, когда все жители пригородов смогут переселиться в капитальные здания. Обеспечение пригородов главнейшими благами городской жизни — водопроводом, канализацией, газом, телефоном, хорошими дорогами, дешевым, быстрым транспортом и лучшим снабжением — совершенно неотложная задача сегодняшнего дня.

ТОМИЛИНО, Московской обл.

М. ПЕЛСАХОВ:

Не пора ли в дополнение к транспортным средствам, полученным в наследство от прошлых десятилетий, подумать о принципиально новых способах перевозки пассажиров? Для быстрых и комфортабельных поездов, безусловно, требуются неувеличенные виды сообщения. До сих пор мы имеем в наиболее крупных городах только метрополитен, но он очень дорог по первоначальным капиталовложениям и рентабелен только при весьма большом потоке пассажиров. Сейчас техника шагнула так далеко, что можно говорить о поездах на эстакадах, о конвейерах типа эскалаторов в горизонтальной плоскости, о вертолетах, монорельсовых дорогах и тому подобном.

НОВОСИБИРСК

Красота зданий будет законченной, когда дома гармонично впишутся в окружающую обстановку, и особенно с природой. Белые здания с колоннами и стеклянными верандами, скульптуры из белого мрамора или гипса созданы в сочетании с южным солнцем, вечноезеленой растительностью юга замечательный ансамбль.

Но если перенести их на север и взглянуть на них, покрытых снегом, зимой, их вид вызовет ощущение жуткого холода, чего-то неуютного. Нам нужны темные «теплые» цвета, скульптуры из темных материалов, так как лето у нас короткое, да летом, кроме того, все старается выехать из города, а сезону жить, работать и учиться — осень.

КРАСНОЯРСК

П. ФОКИН:

Функция жилого дома — это счастливая и зажиточная жизнь строителя коммунизма, а счастье может быть воплощено в красоте, а не в безвкусице, лишней всякой прелестью.

ДЛУТОВОДСК, Томской обл.

С. СЕРЕБРЯНЫЙ:

К сожалению, у нас еще цвет используется недостаточно в отделке зданий. С каждым годом все больше домов будет возводиться из бетонных панелей. Но так ли обязательно, чтобы серая фактура бетона оставалась на фасадах, создавая уныло однообразный колорит в новых городах? Современный город — это не только сочетание объемов, а и цвета. Живописна щедро насыщенная цветом застройка 9-го квартала Черемушек, стены домов от

ДЛУТОВОДСК

ВОЛГОДОНСК, Ростовской обл.

ВРЯД ЛИ ВАМ ЭТО НРАВИТСЯ...

Это строение «урашает» площадь у Лазовского вокзала.

даны светло-золотистым кирпичом, панели бетонных домов покрыты мозаичной плиткой, на балконах — ярко окрашенные ящики для цветов, и даже крыши имеют цветной рисунок. У нас почти не используются плоскости крыш для обогащения цветовой живописной гаммы в застройке, а ведь их можно сделать цветными, и тогда вместе с цветной стеной и зеленой газонной, кустарников и деревьев вся застройка станет наряднее и составит живописную симфонию нового города.

МОСКВА

И. ВАЛСБУРД:

Здания массового строительства должны быть абсолютно современными. Однако лишь убранство уникальных зданий и проектировать их обязательно в форме сплюснутых, остекленного куба — значит возвращаться к старым ошибкам, протаскивая откровенный формализм, в котором так много рекламности, мало человечности и сознательная экономичности.

КИЕВ

Н. ТЕЛЕГИН:

Я живу в городе Волгодонске, на берегу Цимлянского моря. Это молодой город. Люди в нем хорошо зарабатывают, умеют трудиться. Но дома-коробки наводят на мысль, что люди живут наспех, трудно и неуютно. Облик нашего города навеивает чувство тоски. Язык архитектуры города беден, невыразителен.

Я думаю, архитектура должна учить людей мыслить, воспитывать любовь к красоте и благородству.

ВОЛГОДОНСК, Ростовской обл.

ТАКЖЕ «БУДУЩИМ» КРАСЯТСЯ У СТАЦИИ МЕТРО «НОВОУЗНИЦКАЯ».

Также «будущим» красятся у станции метро «Новоулицкая».

СЕЮЩИМ ХЛЕБ...

ИСТИННАЯ поэзия несет в себе краски и запахи земли, ее породившей. Земля Молдавии на редкость красива, красочна, добра. Она теплая и добрая, эта земля. Такими и ее песни. Такими и лучшие стихи ее поэтов. Я помнил этот край осенью предпоследнего года войны, когда шел его дорогами к Дестру и Пруту, когда на листья его садов и виноградников оседала пыль, поднятая нашими танками и нашими солдатскими сапогами.

Мне снова почувствовалось побывать там позавешавшей зимой. В том удивительном декабрь неуютно кричала птица, небо было пронзительно синим и солнце зрело совсем по-весеннему. По дороге на Орееве, где взошла трава и обочи, я слушал стихи Валентина Рошки, и тогда они стали для меня как бы частью этого по-весеннему сочного пейзажа, мякими и неброскими, но очень существенными его штрихами.

Я запомнил эти стихи:
Тополь задумчивый, голубой,
Пирамидальный,
Словно колонна, полдербой
Свод это дальний...
Как он в траву по весне влюблен!
Все ему ново,
Словно посланцу иных времен,
Века иного.

Есть у Валентина Рошки и грустные стихи, и веселые. Его сонеты не архаичны — эту традиционную для молдавской поэзии форму он умеет, на мой взгляд, подчинить новому содержанию. Парос его лучших стихотворений в доброте, мякоти и чедри, очень «человечной» доброте, дарованной поэту его солнечным краем. Рошка привез в Москву новую книгу своих стихов, изданную в Кишиневе. Она называется «Сеющим хлеб». Это правильное и точное название. Оно идет этой книге. Крестьян по происхождению, поэт имеет право сказать:

Все мои песни —
Для вас,
И от вас
Мои песни —
От ваших сердец.
И рук,
И хлеба,
Вращенного вами.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Валентин РОШКА О ДА ЛЮБИ

Ах, эти ханжи, бесполое, как мочала, любовь считающие не стоящим пустяком!.. Любовь, как и наша земля, от солнца берет начало, а в нашу кровь с материнским вошпа молоком. И горит она, и не гаснет она от века — миллионы лет, миллиарды, огромных лет. В сердце белого человека, в сердце черного человека, одинаково ярое ее несложный свет. Наши дети и внуки унесут ее в дальние-дальние годы. И влюбленных любовь, и в Отчужденность любовь до конца — это светлые воды, прозрачные, чистые, раскаянной реки, омывавшей наши сердца. О, глаза любящих, холодные и пыльные! О, бесплодное сердце не любившего никогда —

БОЛЬШОЙ АДРЕС

Юрий Левицкий, Начало на 1-й стр. исторической концепции. Об этом подробно и убедительно говорил Н. Кладов. Особый интерес членистиков обсуждений — естественно, вызвали пьесы о Контри. Контри свидетельствуют о несомненном драматическом даровании драматурга. Достоинства пьесы — в скромности, чистоте, «акварельности» авторской манеры, в животрешущих вопросах воспитания молодежи, поднимая автором. В то же время А. Симонов, Г. Тер-Григорян говорили о серьезных просчетах в построении конфликта, отдельных сцен, образов пьесы. В связи с пьесой Р. Портого «Нелетающие птицы» А. Софронов высказал ряд интересных мыслей о мастерстве, о необходимости острого конфликта, формирующего характеры. У Р. Портого, сказал он, конфликт — нечто вроде блюдечка с молоком, к которому поочередно подходят герои; попят и отойдут, чтобы уступить место следующему. Здесь кроются причины неудач пьесы, которая могла бы по своему жанровому материалу превратиться в злую комедию.

Пьеса Анны Лузан «Колесо времени» о нем тупого говорили И. Вишневецкая, А. Симонов, А. Софронов — обещающий стать значительным, «перспективным» произведением. И опыта-таки следует избавиться от элементов «повествовательности», углубить действие, усилить столкновения, борьбу характеров.

Наиболее значительной пьесой молдавской драматургии последних лет является пьеса Иона Друца «Наса маре», опубликованная в майском номере журнала «Дружба народов». Высокое мастерство, изящество формы, национальное своеобразие ее отмечали И. Вишневецкая, Н. Кладов, А. Кроп. Эта пьеса философски осмысляет действительность, ставит острейшие современные морально-этические проблемы; о смысле жизни, о судьбе поколений, о правде на счастье. И странно, что эта пьеса до сих пор не опубликована на молдавском языке (об этом говорил К. Контри, И. Василеку), не заинтересовала театры республики.

Заключая обсуждение, председательствующий А. Софронов горячо поддержал предложения Г. Млвнаца, Г. Штайна о необходимости активного продвижения молдавской драматургии, и драматургии народов СССР вообще, в театры Москвы, на всеююзную сцену.

- Антонов И.** Свежий ветер. Очерки. Перевод с молдавского автора. 203 стр. 15 000 экз. 2 руб.
- Брыль Я.** Мой край родной. Рассказы и повесть. Авторизованный перевод с белорусского. А. Островского. 216 стр. 30 000 экз. 4 руб. 10 коп.
- Воробьев Е.** Высота. Роман. 439 стр. 75 000 экз. 7 руб. 75 коп.
- Мариан М.** Ничто. Перевод с армянского. 134 стр. 3 000 экз. 2 руб. 60 коп.
- Полевый Б.** Глубокий тыл. Роман. 616 стр. 225 000 экз. 10 руб. 50 коп.
- Савва С.** Братцы. Роман. Перевод с украинского Н. Асанова. Кн. I. 320 стр. 30 000 экз. 5 руб. 60 коп.
- Чуквинский К.** От двух до пяти. 14 е издание исправленное и дополненное. 375 стр. 150 000 экз. 8 руб. 10 коп.
- Щипачев С.** Домик в Шушенском. Поэма. 31 стр. 25 000 экз. 2 руб.

«МОЙ ПАПА УБИТ НА ВОЙНЕ»

В ЭТОМ фильме есть кадры, которые забыть невозможно... Улица молдавского села, по которому брел на восток поперешные от горя и ужаса женщины с малыми детьми. Кто ташит ребенка, у кого только узелок в руках — не до сборов уездо. А вот это село сверху: домик в зелени сада, мечущиеся в панике люди, брошенные на дороге их жалкий скраб — таким видел его с пикирующего самолета фашистский летчик: у него не дрогнула рука, когда он нажимал гашетку бомбобросательца, он не сошел с ума, расстреливая безурядных... И опять насащенный вой пикирующего самолета и свист бомбы. Родильный дом, дверь с надписью «Палата матерей», дверь, за которой ничего нет, только дымящиеся руины... Южная степь, ромашка, как год — не спрятаться, не укрыться. И «мессер», охотящийся за грузчиком, в котором старик, девушка и грудающей ребенок. Один захра, второй... Те, кто начинал войну в июне сорок первого года, где-то у границы, видели, как много среди первых ее жертв было женщин и детей, у чьи-то невидящие врага, который и беспечность считал оружием. Тогда мы еще думали: война продлится недели две, ну месяц, два от силы. Запамятовали захватило на четуре года. Да что там, мы и сейчас

Народная артистка Молдавской ССР Тамара Чебан

Портрет работы В. Руссу-Чобан

МОЛДА. закрепленная традицией, мешает видеть движенье и рост художника. Сказать о Викторе Шкловском, что он парадоксален, значит ничего не сказать. Парадоксален и Шоу, и Уайльд, и Шекспир, и восточные притчи. По своему парадоксален Фрейд и Вольтер, Олеша и ранний Федин. Проза Шкловского «телеграфна». Но и это не отличие. Не говоря о целом направлении западного искусства, назову Илью Эренбург, у нас так писали в 20-е годы многие. Шкловский ассоциативен с ног до головы. Парадоксы нашел тут легкий хлеб. Но вряд ли кто-нибудь, кроме Архангельского, ухастил суть метода. Говоря об ассоциативном методе, имели в виду сопряженность сходных понятий, но не движение мысли. Видели причуду щедрого таланта, но не образность самой природы художественного творчества. За кажущейся произвольностью скачков мысли не улавливали обновления поистершихся путей образных «доказательства». Именовали эксцентрисичностью остроту человеческого ума, с ее неувяжливостью и «кибернетической» быстротой реакции. Поэтам это разрешалось. О критиках думают иначе. Вероятно, с легкой руки Флора, считавшего профессию исследователя искусства низшей. — у такового, по моему мнению, отсутствует «стиль». Но критики ипоно опровергают ходячее о себе представление. Лессинг, Буало, Великий более поэты, нежели Клопшотк, Шпелен или Бенедиктов. В чем же особенность стиля Шкловского? В основе его стиля (верно было замечено, что стиль Шкловского безотнестелен к жанру и роду его литературной деятельности) — четкое представление о творчестве как о процессе. Занудство (прошу прощения у читателя за это нелицеприятное слово) — многих статей современных критиков не только от безразности, но и от метафизического представления о том, что объект анализа и сам анализ неподвижны. Движение мысли произведения и движение мысли исследователя — это единый процесс анализа. Тут, как у Альберта Эйнштейна, — относительность покоя. Субъективность манеры Шкловского надо понимать именно в том смысле, что он делится с читателем самим ходом познания, увлекает яркостью, неожиданностью догадок, неуловимостью выводов. Он как бы учит мыслить. Он, как хороший командир, больше полтагает на «личный пример», чем на громкую чинку уставов. Парадоксальность его стиля — свойство подчиненное. Парадокс обычно рождается отрицанием. Это как расхождение плей, где будит залетная площадка аэродрома. В «Гамлете» и «Короле Лире» выплывает наизнанку связь — воемический текст. Это же относится к средневековой в одной из шекспировских пьес швец сравнивает парадокс с вывернутой наизнанку перчаткой. Это точно. Парадокс ничего не строит. — он обновляет старое, в лучшем случае намекает на зыбкость установленного. Ранний Шкловский более парадоксален. Он острее видел заноченность старого, чем перспективы нового. В работе Шкловского появилась не

МЕСОЛОНГИ

На Одере и на Висле — той порой, когда орудья гневных пламеней сорой на палачей фашистских извергал, я помнил в громе и оконной мгле о гордике на греческой земле, зарптанном за каменные дала, стоющим над грядой облаков уже не пять, а двадцать пять веков, с названьем мелодичным — Месолонги.

Чем он прославлен в мире? Почему я обратился с думами к нему и мыслю о нем меня не поядала, когда Европа выжжена дотла, еще спланным конгломератом была в муках только одного желала: чтобы пришли советские полки с Востока черным силам вопреки, даря ей надежду и свободу?

Я только знал — на той земле угас великий Байрон... Знал, что и сейчас с любовью имя повторяет это Эллада, для которой ничего не пожелало мужество его, — он отдал ей горячий дар поэта, покинул для нее свой отчий дом, чтоб кровь свою пролить в краю за неизвестный город Месолонги. Среди высших благ на свете есть одно —

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЕ ПОЭТА

Исполнилось пятьдесят лет со дня рождения известного украинского поэта, академика Академии наук Украинской Народной Республики Валентина Семеновича Рошки. Этим поводом мы публикуем адрес, в котором говорится: «За годы плодотворной творческой работы в литературе Вы написали немало сборников стихов и прозы, лучшие из которых нашло путь к сердцу широкого круга читателей, создали несколько драматических произведений, которые вошли в репертуар многих советских театров. Мы знаем Вас и как очеркиста-публициста времен Отечественной войны, и как переводчика поэтических произведений русской классики. Моему Вам, Савва Есеевич, долгих лет жизни, доброго здоровья, новых книг, в которых бы глубоко и ярко раскрывались образы наших современников, избранные героические свершения советских людей — строителя прекрасного коммунистического будущего.»

валит отдать нам кровь свою оно за брата, за дитя свое родное... Но кто же нам то чувство называет, что призывает жизнь за тех отдать, с кем мы судьбой не связаны одной, — за незнакомых матерей и жен, за мирный дом их, что дотла сожжен, но должен встать из пепла и развалин! По странам неизвестным и чужим мы шли, торж желанным одним: под жерлами наделенных орудий своими жизнями платили мы, чтоб поскорее выбрались из тьмы в чужих краях страдающие люди. Грелема поступь воинских колоний, и вечной славы путь наш озарен, как путь того, кто пал за Месолонги. Вот этот город. Вот его гранит, который так душа моя хранит.

А вот цветы на каменном надгробье... Кто их растил? Какие города из дальних стран прислали их сюда — Афины, Лондон, Рим или Запорожье? Они горят, как огненная кровь... Пускай поэт уже не встанет вновь, — он с нами был, когда мы шли на битву! От Нарвика до Вены чередой могли солдатские протянули строй, и звезды говорят на обелисках о подвигах, о пламенных сердцах, что утвердили Истину в веках, погибнув за далеких и за близких... Европа, ты о них не забывай, молгуи их венками украшай! Европа, не забудь о Месолонги!

Перевел с украинского Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ.

ЛИЧНЫМ ПРИМЕРОМ

ЗАМЕТКИ О НОВОЙ КНИЖЕ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО

свойственная ему ранее связанность. Парадоксальность стала элементом диалектики. Парадокс чаще замыкается афоризмом, нежели взрывает его, как это случалось раньше. У любимцы Шкловского — ассоциаций — появилось выраженное сосредоточенности на лице. Она не капризная бездельница, а служащая с полным рабочим днем. Она является вовремя и, уходя, вешает жестяную бирку на табельную доску.

ЭТИ соображения высказываются мною по прочтении новой книги В. Шкловского «Художественная проза. Размышления и разборы». Это не просто новая книга. Это книга — промание. Промание с заблуждениями. Книга — подвиг. Подвиг отказа от сомнительной славы главы формалистической школы, той, что начала до революции, а в годы революции провозгласила «вольность» искусства от жизни. Это отказ от работ Олоязя: «Воскрешение слов», «Искусство как прием», «Ход коня», «О теории прозы» (1929).

Трудно сказать, как в России, стране с сильными традициями человечнейшей их литературы, могло родиться и создало шлоу течение технологически-обезудленного подхода к искусству. Трудно сказать, как совмещались несомненная одаренность и громадная эрудиция ученых этого направления с их общественной глупотой и эстетической наивностью. Ведь фундаментальное знание литературы, понимание отдельных сторон творческого процесса было у этих людей беспорочным. Но — дык дело — из литературы была выдана ее душа — живое, — а труп великолепно анатомирован. Маяковский обошелся с Олоязом мягко: «Дети (молодые литераторы школы также) всегда интересуются, что внутри картонной лошади. После работы формулируют ясны внутренности бумажных коней и слов.» Но Пегас — не бумажный. Он из мяса. И, зная, имеет душу. «Душа» — это высокий идеал, философия, политика, то есть то, чем живет человек, как общественная личность. Могут возражать, что жизнь уже давно разбила эти взгляды, и вряд ли подробнейший пересмотр эстетики формализма, даже принадлежащий перу бывшего основоположника, интересен и нужен обществу. Но это не так. Дело гораздо сложнее. Если обратиться к самым «наивнейшим» теориям западного литературоведения, то в пестрой и, на первый взгляд, сложной картине его основных положений нельзя не почувствовать истоков русского формализма. В Шкловский же особенно фронтально вскрыты естеснич книги Бунина. Дюна «Искусство как опыт» (1934), обнаруживая в ней собственные теории пушкочевого давности. Умая и ироничная полемика В. Шкловского с Западом как бы обнажает слабость и беспочвенность буржуазной эстетики.

«Меня на Западе упрекают в измене самому себе и принятию мое наследство. Я должен стоять прямо, но так стоит только колос, из которого вытелко зерно. Не должно стоять на одном месте, как стоит кол. вбитый в землю. Не менять своей позиции, как скелет в могиле.»

А я хочу измениться, потом, что не устаю расти». В 67 лет писатель-литературовед — скажем без превеличия с мировым именем, — заявляет: «Наступила пора нового учения». Он, разумеется, не на голом месте начнет. Многие накопленное ему пригодились. Все становится с голыми ногами. Когда-то молодой Шкловский запальчиво воскликнул: «На цвете его (искусства — В. О.) никогда не отражался цвет флага над крепостью города». В 1959 году он говорит: «Цвет знамени в поэзии значит все. Цвет знамени — это цвет души а так называемая душа имеет и второе свое воплощение — искусство».

Так в эстетике Шкловского вошла жизнь с мировоззрением человека его класса. Так в теорию искусства вдул он «душу живую».

Как сильный магнит собирает железные опилки, так великая концепция развития поэзии «выстрелила» громадный опыт Шкловского, его исключительную эрудицию.

Опыт последней работы Шкловского еще раз подтверждает силу чистого таланта. Он может заблуждаться (Гегель говорил: «Та вещь, которая не была никем испорчена, никогда не годилась»), но он один, талант, способен создать то, что «годится».

ШКЛОВСКИЙ вступил в рассуждения свои о литературе исторически. Это открыло теорию. Сделало ее лирикой. Так сложилась эта книга. Поэма, исповедь, наука.

Изменение законов прекрасного — единственное, что всегда имело силу закона в искусстве.

Он спорит со взглядами Льва Толстого о том, где великий художник не был мыслителем, то есть не обладал чувством истории.

«Общепонятность для Толстого — это общечеловечность, но считается общепонятным то, что понятно крестья-

нину». Крестинян по Толстому — «общечеловек», «мерило всех вещей». «Истину нельзя... получить при помощи поправок», — говорит Шкловский.

Иногда мы думаем, что новое в литературе развивается простым опровержением старого. Иногда и того упрощеннее: как исправление «ошибок».

«...В романе, Вольтера «Кандид» есть два философа — пессимист и оптимист, — которые по-разному толкует один и тот же факт. Достоевский в «Братьях Карамазовых» с равной силой пишет речи заштитина и прокурора».

Только так может быть серьезно осуждено отжившее как спор сильных противников, где побеждает правда будущего. Писатель, даже иногда вопреки личным убеждениям, выражает эту силу.

Характер в прозе исторически складывается как новое единство, заключаю Шкловский. Как противоречие между событием и героем.

«Я даже попытаюсь сформулировать так, вероятно, характер в нашем понимании в сказке появляется в результате противопоставления простого человека «героя». Именно простого человека пришлось описать в его обыкновенности».

Но, с другой стороны, «необыкновенность» обыкновенного человека и есть та диалектическая ступень нового человеческого типа (и, следовательно, героя литературы), которую поставила в центре внимания проза социалистического реализма, в отличие от критического реализма.

Настоящие художники чувствовали конфликт времени и как бы отстающее содержания своих произведений. Он был конфликтом формы, которая не подчинялась. «Блок говорил о том, что надо перечувствовать писать, что трудно писать, когда писать «легко», — это сказано пошловски. Но вот анализ логичная запись А. Блока в дневнике: «Надо еще изменить (или — чтобы вернуть измененность), чтобы вновь получить возможность преодолеть материал».

Вокруг изменилось все. Но Блок больше не изменился. Не смог. Трудно переосмыслить мастерские портреты — свидетельства Шкловского о Блоке, Маяковского, Горьком. Это не мемуары. Это те же идеи: «За несходством людей стояло и несходство эпох и несходство будущего искусства». Так Хемингуэй непохож на Шолохова. Тонко и умно говорит Шкловский об этом.

Главы о Шолохове мне представляются особенно показательными. Закономерность и качественное отличие нового реализма от всего предшествующего развития литературы показаны здесь ярко и впечатляюще.

Есть в понимании Шкловским новаторства, ощущение ветра больших просторов. Имя ему: история культуры. «...В искусстве мало что происходит бесследно... Новое не вытесняет старое, а изменяет сферу его применения, а изменяет сферу его применения, а изменяет сферу его применения, а изменяет сферу его применения...»

Кто, как не Шкловский, знает цену самым различным «признакам»! Но он же, как никто другой, убеждает в беспочвенности форм и их «сцеплений». Никакой арсенал отмычек не в состоянии вскрыть всех тайн художественной книги. Да и ни к чему это занятие! Только безжалостная художественная морша лоб в безуспешной попытке всему найти одно, раз и навсегда «положенное» место. Но, как верно отмечает Шкловский, «мы здесь имеем термины для текущих процессов и для явлений, которые никогда не совпадают».

А раз так, то понятие мастерства должно включать в себя едва ли не все возможные творческие процессы.

Мастерство художника и мастерство критика не могут исходить из какого-либо иного источника, кроме художественной одаренности, без которой нелю и мировоззрение, и жизненный опыт, и опыт былой культуры.

У нас еще распространено ошибочное представление о мастерстве, как о ремесле, как о чем-то таком, что дается прилежанием и послушанием. На самом деле мастерство — это великая нравственная сила.

Стоит вспомнить мучительные поиски Юнга Л. Толстого, его протест про-

тив подавления в себе «всемогущества» тем «ужасным торжеством», который представляет «любое» к себе, или скорее память о себе, — и становится, что самый сложный «поток сознания», передачей которого «мастерство» владел Л. Толстой («История вчерашнего дня» или «Война и мир»), был для великого писателя-гуманиста только частностью, элементом метода, причем далеко не главным. «Путь великого искусства по кручам анализа ведет не к себе, а ко всему», так резюмировал Шкловский эту сторону толстовского метода. Не слыша «бессплезия» видел Толстой в самом анализе. А сила его подлинного мастерства была в другом: в раскате «то» как человек вырывает из себя мешающую ему любовь к себе».

В главе «О удвоении» Шкловский дает толкование мастерства, как открытия мира, правильного ощущения его сил, видения скрытого и, тем самым, опровержения обычного представления.

Так мастерство выявляет себя как предельно полную степень человечности. Самый нелепый упрек искусству — то, что оно искусство, а не сама жизнь. «Искусство — это также явление жизни и новое ее познание». И поэтому: «...Когда художник любуется цветом или словом, то он любуется частью мира, введенной в познание. Когда он увлекается языком, то он это делает потому, что слово ведет его к мысли».

О, если бы наши вулканоторы от искусства могли понять это!... тогда они не были бы вулканоторами.

И, НАКОНЕЦ, о форме критических работ. Опыт В. Шкловского (а он не один, может быть, только наиболее индивидуален) говорит нам о том, что критика как род литературы может завоевать читателя только доказательностью анализа. А это несомненно с безличным, так называемым «статейным» языком. Речь идет не об украшениях стиля, даже не об образности. О методе анализа.

Критик, словно переводчик, как бы пересоздает заново весь художественный строй явления искусства. На этом «новом языке» роль логики, рационального начала может быть существенной. Но не более того.

Ассоциация для Шкловского — форма вхождения в мир художника средствами художника. Она как бы разрушает ту стену иллюзорного «неравноправия», которая часто является психологическим тормозом для читателя; критик-то «говорит» одно, а писатель мне «внушает» иное. Ведь язык логики и язык чувств не могут совпадать полностью.

Образ в критике охватывает явление искусства в целом, придает ему вещность и цельность, что облегчает восприятие сложных понятий, делая их близкими. Так образ поэта в Ясной Поляне, «вступив в мир школы на юг, через дубраву и поля», не раз поднабито Шкловскому для закрепления внимания на мысли о том, что по Толстому, «искусство должно быть близким и понятным» так, как эта дорога понятна и близка исполняющим крестьянам.

Книга Шкловского разномащтабна. Анализ «Хатжа-Мурата» почти «молекулярный». Иные тексты берутся как бы киноаппаратом, крупным кадром, смелым, неразумным образом. Такой «атомный» анализ оставляет тылы «пехоте», — литературоведение ведь тоже многообразно и индивидуальное! Не все и не всегда нуждается в скрупулезности. И кто знает, что более редко в наши дни: углубление в детали или смелый рейд в неизведанное?

Метод художественной прозы помогает Шкловскому строить мысль своей книги многопланово. В каждой главе «завязано» враз много узелков, которые могут быть развязаны в этой, следующей или даже последующих главах. Это, на первый взгляд, затрудняет доходчивость мысли, но зато придает ей необходимую глубину. Ведь явление искусства сложно и многогранно. Автор хочет показать естественное, развивающееся обобщение жанров и форм прозы на основных этапах, то как зарождение одного качества вызвало порою сложные «возмущения» всей системы, говоря языком астрономов.

Воспоминания, черты истории бытия, портреты лиц как бы обстрают, воспринимая теоретических построений, топят мысль к новым полянам.

Треватный расчет сохранит внимание читателя соседствует тут с естественной прозрачностью самой творческой личности. Шкловский не только анализирует способы «торжественности» типа тавтологического параллелизма в народном эпосе, он и сам блестяще владеет умением поставить интригующую точку в конце главы, равнозначную многоточию.

...Книгу Шкловского надо прочитать всем, кто любит литературу. Она отмечает не только путь автора. Это и показывает зрелость отечественного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 67 7 июня 1960 г. 3

Л. ЛАЗАРЕВ

ХРУЩЕВ ПРАВ!

ВЕСЕННИЕ месяцы имеют в Польше свои особые традиции: проводятся «дни культуры», большие книжные базары и гулянья. На улицах, в парках и скверах появляются платаны и клены. Самые популярные писатели ставят здесь свои автографы на сотнях книжек. Это пора, когда молодые люди корчат над учебниками, чертежами, порами сдачи экзаменов. А экзамены, как известно, свидетельствуют о зрелости, первая заявка на самостоятельное плавание по бурному океану жизни. Вместе с тем это и первая попытка самостоятельного сбора плодов в саду культуры.

Как раз в дни, когда в Париже собиралась «большая четверка», я выехал читать лекции о литературе в пограничные села, расположенные в долине Одера. Что можно сказать об этой поездке? Народу собралось много, и хотя разговоры начинались всегда с новых книг, кончались они неизменно бурными, полными глубокой мысли дискуссиями на международных темы.

Весь волюнтаризм последние события: дело об американском шпионском самолете, сбитом над территорией СССР, циничные ответы госдепартамента США и, наконец, неслыханные заявления Эйзенхауэра, особенно возмущавшее моих слушателей: «...Мы полагали и будем посылать такие самолеты...» Все сходились на том, что в подобных условиях нельзя было вести переговоры по важнейшим для человечества проблемам.

Я хотел бы особенно подчеркнуть две детали: возросшую политическую зрелость и культуру моих слушателей. А ведь это были молодые люди, чьи сердца бьются особенно сильно и руки невольно сжимаются в кулаки. Это были люди, которые уже читали и комментировали сообщения телеграфных агентств, жадно вглядывались в экраны телевизоров, где появлялись кадры с выставки в Центральном парке культуры и отдыха в Москве.

Меня радовали единство их реакции, необычайная солидарность выступлений, страсть и гнев. Как ни говори, а перед нами поколение, воспитанное уже в условиях народной Польши, воспринявшие богатейшие культурные ценности, глубоко понимающие законы истории. Эти люди говорили: — Премьер Хрущев прав! Ведь если бы вор

Войцех ЖУКРОВСКИИ,
польский писатель

попытался залезть в наш дом, то погубил бы по заслугам так, что и не унес бы... Что уж говорить о тех, которые прокладывают дорогу убийцам? Молодцы советские солдаты, сбившие банда! —

— Американские войки сели в лужу, сами себя ослепили... У них еще был выход, могли сказать: «Извините, виноваты, больше не будем». Но им не хватило, однако, ума и политической зрелости, а также элементарной вежливости, чтобы выдать из себя это «I am sorry»... Собственно, что хорошего можно ожидать от американской военщины.

Слушая эти высказывания, должен признать, я чувствовал, как сердце мое полнится гордостью. Обступив меня со всех сторон, молодые люди с читками в руках живо обсуждали проблемы мира, а следовательно, и своего будущего. Если этот бандаитский самолет хотел нарушить их мир, то не попал в цель. Наоборот! Он объединил людей, заставил их крепче задуматься об истинных друзьях.

Надо сказать, что вопрос о нарушении границ социалистического лагеря — это дело не только СССР: он важен и для нас, поляков, и для ГДР, и для Чехословакии... А разве для Кубы он не имеет значения? Ведь там сбивают разбойничьи самолеты, стартующие из США. Различные лишь в том, что там их посылают якобы «частные» поклонники Батисты. Но различие в методах и целях не так уж велико.

С неотразимой логикой премьер Хрущев показал те принципы, на основе которых можно вести переговоры на высшем уровне. Ему присущее особое чувство юмора, особый дар образного воздействия на умы простых людей своего мира. Поэтому его слова, идя находят себе дорогу, через голоса дипломатов и политиков, к сердцам всех, как у нас, так и за океаном. Это очень важно. Это его огромная заслуга, и она останется в анналах истории — народы всегда будут помнить об этой руке, протянутой для дружбы, о терпеливой готовности к переговорам, лишь бы партнеры имели добрую, искреннюю волю к поискам путей согласия. На Западе должны раз и навсегда понять: мир не будет существовать, без сохранения народов в обогащении культурными ценностями, в росте благосостояния.

Именно к этому направлена и новая инициатива Советского государства в «вопросе мирных» — проблеме разоружения. С неподдельным вниманием и искренней солидарностью слушали мы заявления Н. С. Хрущева о новых предложениях Советского правительства, об основных положениях договора о всеобщем и полном разоружении.

Мы можем только пожелать западным дипломатам: обратитесь к великим традициям учебы, сдайте экзамен на аттестат зрелости, покажите всему миру, что не сила решает дело дружественного сближения народов! Самая пора этому. И шансы на возможность договориться, как показали последние предложения правительства СССР, совсем неплохие!

ВАРШАВА, 6 июня. (По телефону).

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОММЕНТАРИИ

ИТАЛЬЯНСКАЯ печать уделяет большое внимание выступлению Н. С. Хрущева, особенно подчеркивая его слова об Италии.

Конечно, наиболее правая печать откликнулась, по своему обыкновению, очень резко и безответственно, желая перепрыгнуть в своем рвении самых рьяных поборников атлантического пакта и фанатичных антикоммунистов. Но широкие народные массы понимают, на ком лежит ответственность за срыв совещания в верхах; они солидарны с твердой и мужественной политикой мира, проводимой Советским Союзом и являющейся максимальной гарантией от «горячей» войны, а также и от серьезных опасностей войны «холодной».

Официальный отклик на заявления Хрущева содержится в коротком сообщении министерства иностранных дел, где сказано: «В связи с утверждениями Москвы по поводу самолетов «У-2», согласно которым американские самолеты, предназначенные для разведывательных полетов над Восточной Европой, вылетали с итальянской базы, министерство иностранных дел заявляет, что эти утверждения лишены всякого основания».

На заседании иностранной комиссии сената с участием министра Сены сенатор Луссу, представитель итальянской социалистической партии, потребовал объяснений относительно американских баз в Италии. Министр сухо ответил, что в Италии таких баз нет. Тогда Луссу потребовал немедленного создания парламентской комиссии, которая проверила бы, имеются ли такие базы в Италии и где они находятся. Недопустимо, чтобы парламент, являющийся высшим органом государства, под предлогом «сохранения военной тайны» был лишен сведений о таких важных в национальной жизни страны фактах. Предложение Луссу смущило министра и представителей большинства, которые не могли что-либо возразить.

На заседании центрального комитета

Джозеф ЛУССУ,
итальянский журналист

итальянской социалистической партии разгорелась острая полемика между левым и правым крылом. Сорок пять парламентариев-социалистов (поддержанных еще двадцатью, что составляет пятьдесят семь членов парламента из ста двадцати) направили на это заседание свое письмо, в котором между прочим сказано: «Занятая руководством партии позиция «равновесия» кажется нам ошибочной не только потому, что она искажает действительное значение фактов, приведших к провалу Парижского совещания, но и потому, что она воспринимает аргументацию атлантической пропаганды, пропаганды антисоветских кругов... Поступая таким образом, руководство партии игнорирует те обстоятельства, что в атлантическом лагере решающее значение имеют интересы империалистической верхушки, так называемые «комбин» которой являются сознательными действиями империалистического политического течения, направленными против ослабления напряженности... Вследствие этого «соломово» решение руководства... объективно представляет собой услугу империалистической пропаганде, что было удовлетворительно отмечено правой итальянской печатью, и не вносит никакого вклада в борьбу против международной напряженности, за мир».

Италия — капиталистическая страна, где наиболее сильно влияние марксизма. В Италии имеется не только самая многочисленная коммунистическая партия, но еще и социалистическая партия, опирающаяся, несмотря на колебания ее теперешнего руководства, на трудящиеся слои народа. Самая передовая часть буржуазии и представителей культуры также «склоняется влево» и восстает против тенденции фашистского толка, клерикальных и империалистических. Вот почему мы убеждены, что и наша страна внесет свою лепту в борьбу, которую социалистический мир ведет за ослабление напряженности, за мир.

РИМ. (По телеграфу).

ЗАКРЫТЬ НОРВЕЖСКИЕ АЭРОДРОМЫ ДЛЯ ПЕНТАГОНА!

В ШИРОКОМ «мирном» движении за разоружение, за прекращение гонимости вооруженных сил, за прекращение активного участия принудительно мобилизуемых войск, есть требование сглаживания международной напряженности. Это требование выдвигается из самых глубин нашего народа, который видит непрерывно растущую угрозу своему существованию в продолжении гонимости вооруженных сил, и который знает, что наша страна выиграет много, если удастся обеспечить мир.

Однако все мы твердо убеждены: для того, чтобы любое соглашение между державами давало благоприятные для дела мира результаты, нужны определенные предельные условия. Необходимо создать атмосферу взаимного доверия, без попыток использовать «политику силы»; следует гарантировать невозможность каких бы то ни было провокаций. Но после вероломного полета американского самолета над территорией Советского Союза стало ясно, что Соединенные Штаты Америки самым грубым и опасным образом нарушают эти условия. А затем вызывающий тон заявления государственного секретаря США Гертнера и президента Эйзенхауэра...

Сервезное беспокойство и тревогу вызвал тот факт, что американское правительство — или точнее за ним влиятельные круги — неоднократно ставило перед собой цель: совратить совещание в верхах и сделать невозможным любой шаг для сглаживания напряженности. А этого сглаживания жут и властно требуют народы во всем мире.

Советское правительство предприняло очень важными и ценными шагами, когда показало, что, несмотря на происшедшее, оно пытается создать приемлемую обстановку для работы совещания.

В верхах. Непосредственно перед самым открытием совещания еще оставалась возможность устранить препятствия для его нормальной работы. Однако президент и правительство США отказались это сделать; стало ясно, что при таких обстоятельствах переговоры не могут стать не чем иным, кроме как ширмой для обмена на слова. Правительство США не желает никакой разрядки напряженности в мире, никакого действительного соглашения по дальнейшим вопросам.

Перед нашей страной создавшаяся ситуация является очень серьезной, важной, имеющей принципиальное значение. Теперь уже достоверно известно, что американское правительство использовало норвежский аэродром для своих провокационных полетов над территорией Советского Союза (хотя неоднократно раздавались заверения в том, что эти аэродромы не будут использоваться в подобных целях). Стало ясно, что и Норвегия должна принять на себя свою долю ответственности за американскую политику провокаций.

Учитывая опасность подобных провокаций для нашей страны, необходимо в первую очередь закрыть американским военным самолетам доступ на норвежские аэродромы. Для демократического и миролюбивого норвежского народа это вопрос приобретает в настоящее время самое серьезное значение, и правительство обязано прислушаться к голосу народа.

Рейдар ЛАРСЕН,
главный редактор газеты «Фриктен» (Осло. По телефону).

УГОЛОВНАЯ ПРАКТИКА

Чем так озабочены государственный секретарь США Гертнер и его помощники Диллон и Смит? Гертнер предостерегает сенатскую комиссию по иностранным делам. Это, конечно, лишь формальность, лишь игра в «демократию», но нужно подчеркнуть, что Диллон (слева) и Смит (в центре) подсказывают Гертнеру ответы на вопросы сенаторов.

Вот образец этих ответов Гертнера: Председатель: Полагаете ли вы, что мы чему-то научились в результате этого инцидента с «У-2»? Гертнер: Не иметь несчастных случаев. Председатель: Это все, чему мы научились?..

Снимок из американской газеты «Нью-Йорк таймс»

Однажды некий бойкий вор — Вот утешительный ответ: грубо, — спер. Не воровать?! — Его любители идилий — Ах, что вы! Нет! — Педагогически стыдили: Ответил вор. — Мол, не воруй, дабы краснеть. Не попадаться! Не приходилось... Надеюсь, Гертнер и сенат — Ладно! Вперед. Меня за басно извинит. Я попытаюсь постараться... Эмиль КРОТКИЙ

КОНТАКТЫ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И ПОЛЬШИ

В первых числах июня секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков был гостем польских писателей. В Варшаве он встретился с председателем Союза писателей Польши Ярославом Ивашевичем и другими представителями руководства Союза. В дружеских беседах обсуждались вопросы литературной жизни Советской страны и Польши, говорилось о необходимости расширить взаимные контакты писателей СССР и Польской Народной Республики. Представители союзных писателей двух братских стран решили уже в текущем году увеличить число поездов советских писателей в Польшу, а польских писателей — в СССР, расширить связи писательских печатных органов, взаимную информацию и обмен новыми произведениями литературы.

В июле в СССР прибывает группа польских поэтов. В Москве, Ленинграде, Тбилиси состоятся их дружеские встречи с советскими поэтами. Участники этих встреч познакомят друг друга с новыми произведениями и обсудят некоторые актуальные вопросы развития современной поэзии. В сентябре советские поэты выедут в Польшу.

В октябре-ноябре в Советский Союз придет группа польских драматургов. Одновременно в Польшу выедет группа советских драматургов. Цель этих поездок — ознакомление с советской и польской драматургией, с работой театров и театральной печатью.

Некоторые советские литературные газеты и журналы пошлют своих представителей для ознакомления с работой печатных органов Польши и примут у себя представителей польских издательств. Печать, что также будет содействовать делу укрепления дружбы писателей Советского Союза и Польской Народной Республики. В конце своего пребывания в Польше Г. М. Марков был принят министром культуры и искусств Польской Народной Республики тов. Галинским.

На днях в Москву прибыла правительственная торговая миссия во главе с директором Национального института аграрной реформы Антоном Нуньес Хименесом.

3 июня Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял кубинских гостей. Во время беседы А. Нуньес Хименес передал Н. С. Хрущеву приглашение Фиделя Кастро посетить Кубу. Глава Советского правительства с благодарностью принял это приглашение. На следующий день посланцы Кубы встретились с заместителем председателя Совета Министров СССР, председателем Госплана СССР В. Н. Новиковым. На снимке: В. Н. Новиков (слева) и Антонио Нуньес Хименес.

НА КУБИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

ветствовала герою, они улыбкались в ответ, и их белые зубы весело сверкали на солнце. Я видел шестидесятилетних девушек, смуглых красавиц с длинными косами; они тоже несли ружья, и за поясом у них торчали ручные гранаты. В ту пору страна была измучена и обескровлена войной...

Я вернулся на Кубу год спустя и увидел, что сделал за это время ее непокоренный народ, штурмующий небеса. Я должен написать об этом немедленно, потому что боюсь, как бы безумная военщина и ее вдохновители на Уолл-стрит не заславши в самолет «У-2» в воздушное пространство великой и мирной державы, не вздумали теперь сорвать свою злобу на этой маленькой храброй стране, находящейся в двадцати минутах лета от Флориды. Не удивительно, что у кубинцев издавна в ходу поговорка: «Ведна Куба, она так далеко от бога и так близко от Соединенных Штатов!».

Сегодня Куба — страна великих свершений и надежд, боевое знамя всей Латинской Америки.

Кстати, я хотел бы отметить, что кубинцы, с которыми я беседовал на улицах, всячески старались объяснить, что не питают никакой вражды ко мне, рядовому «нортеамериканцу». «Мы только против ваших монополий», — вежливо разъяснял они. — против политики, которую проводит ваше правительство в отношении нас, повинуясь монополиям. Мы знаем, что монополия есть не только наши враги, но и ваши».

И хотя эти гордые и сильные люди не добавляли, мне было ясно, что они ждут от самих американцев какого-то протеста против политики правительства США в отношении Кубы — политики угроз, заугонивания экономической, политической и военной диверсионными и гнусными выходками не пред-

кращаются вот уже год, но смелую страну не так-то легко запугать. Кубинцы прошли через такое, что им теперь сам черт не страшен. Они пережили диктатуру Батисты, а перед тем — диктатуру мясника Маchado. Их не соннула принятая по указке Уолл-стрит «поправка Платта», лишившая страну всякой надежды на национальный суверенитет. Вплоть до самой революции, которая закончилась победой 1 января 1959 года, на долю их выпали все ужасы, которые переживал немецкий народ при Гитлере — лютые висельники, казни и гнусное насилие. Теперь их уже ничто не запугает.

И вот, год спустя, я увидел, что молодые бойцы снова вернулись на поля в университетские аудитории. Я увидел народ, ослепленный в разгар его великих свершений. Новое правительство, созданное его сынами и дочерьми, одним махом, словно ударом молота по стелбю сахарного тростника, срвало наголову плато; оно сократило плату за электричество на сорок процентов; оно создало замечательную организацию — Национальный институт аграрной реформы, который к началу этого года распространил между крестьянами больше земли, чем любая латиноамериканская страна за всю свою историю. Эта земля экспроприрована у тех, кто ее не обрабатывает, а также у сторонников Батисты и иностранных монополий.

Приехал на Кубу во второй раз, год спустя, я прежде всего захотел ознакомиться с главным его достижением — с земельной реформой. Кубинцы, которые рады были показать, как много ими сделано, повели меня в аграрные зоны, расположенные примерно в 120 километрах к югу от Гаваны.

Большая плантация принадлежала прежде одному из самых влиятельных чиновников Батисты, генеральному директору лотерей, бравшему вместе со своим шрифом в страну другого кровавого диктатора — Трухильо — в Доминиканскую республику. Новое кубинское правительство реквизирировало землю и организовало на ней сельскохозяйственный кооператив (в начале этого года на Кубе существовало уже 500 кооперативов). Этим хозяйством управляет молодой человек лет тридцати с бороздой до лоба и шапкой густых кудрявых волос. Он познакомил меня со своей женой — скромной молодой женщиной и двумя детьми. Сам он с 1953 года участвовал в подпольном

ЯБЛОКИ И ЯБЛОНИ

КОГДА Боннская власть под давлением мировой общественности социализировалась, наконец, предать суду двух неофашистов, окскавших стены Кельна расистскими лозунгами, все ожидали, что увидят на скамье подсудимых матерых эсэсовцев.

Но перед судом предстали двое совсем молодых людей. Пятнадцать лет назад, когда рухнула гитлеровская империя, они были детьми. Откуда же у них эта бандитско-фашистская квалификация, этот накал расистской суровости?

Это обстоятельство заставило некоторых объективных наблюдателей обратить пристальное внимание на дух, в котором воспитывается западногерманская молодежь.

Дух этот при ближайшем рассмотрении оказался весьма и весьма тяжелым. Оказалось, что в ФРГ сейчас существует несколько десятков нацистских и популяристических молодежных организаций. Датский журналист Адольф Растен, познакомившийся с их деятельностью и опубликовавший в газете «Информация» статью о молодых фашистах Западной Германии, считает, что общее число членов этих организаций достигает ста тысяч.

Пятнадцать лет назад эти сто тысяч немецких юношей были детьми. Их души были открыты всем влияниям. Чистота помыслов, благородство, возвышенные стремления — все было им доступно.

Кем они стали? Их речи на собраниях (куда они являются в коричневых и черных рубашках с кинжалами на поясе), их газеты, их приказы (ибо в эти организации уже существуют вооруженные «боевые отряды») изобилуют такими призы-

Л. СЛАВИН

вами: «Немецкому народу нужен фюрер!», «Не забывайте приговоры в Нюрнберге!», «Современная демократия не для нас!», «Германское общество от Маас-до до Мемеля и т. п.»

Кто же те «яблонки», в возле которых падают те преждевременно подгнившие «яблочки»?

Нынешние «фюреры» молодежных организаций, их духовные отцы — это позимые мужчины с испытными лицами и солидным фашистским стажем. Это матерые эсэсовцы, которые, правда, присутствовали на кельнском процессе, но на местах для публики, а не в бою им приличествующей скамье подсудимых. Крушение гитлеровской империи обновило карьеру этих молодчиков. Сейчас они воспрянули духом, почуяв родимую атмосферу.

Среди них, например, бывший эсэсовец Альфред Цитцманн, руководитель организации «Дейчландерфогель». Другой эсэсовец, Гюнтер Хесслер, стоит во главе «Юнгдэйе Фрейшар». Бывший фашистский функционер Рауль Нарат руководит группой «Викинг-югенд». Отставной пятидесятилетний гитлеровец Диль, ныне фюрер «Немецкого социалистического юнгштурма». Бывший фюрер в «Гитлерюгенд» Ганс Шульц перешел в «Национале югендгеймайшафт Дейчланд». Другие фюреры западногерманской молодежи выполняли все из той же зловонной ямы гитлеровского фашизма. Большинство из них сейчас деятели «Немец-

кой имперской партии», этого расседника неофашизма в ФРГ. Впрочем, новый фашизм ничем не отличается от старого, разве только руки у него покороче.

Нетрудно представить себе, какого рода воспитание под крыльшком фашистских экс-гермоил получает часть западногерманской молодежи! Нацистская Германия предстает перед нею в идеализированных описаниях, где, конечно, нет ни слова о душегубках, лагерях смерти, массовых истреблениях. В этой фальсифицированной, подгримированной истории палачи выглядят как жертвы, насилие — как подвиг, агрессия — как любовь к Германии. Их убийства — гитлеровские «Мейн кампф», их праздники — день рождения Гитлера, их идеал — новая война. Эти духовные радости соединяются с умеренным потреблением пива.

Разумеется, далеко не вся западногерманская молодежь поддавалась растлевающему влиянию сживших фашистов. Существует там и демократически настроенная молодежь, которая ненавидит фашизм и войну. Но все же остается удручающим фактом, что значительная часть молодежи в ФРГ проходит школу маркобесия и жестокости под руководством испытанных мастеров запленного дела.

Но если бы справедливым, то следовало бы сказать, что уроки человеконенавистничества и политического бандитизма боннская молодежь получает не только от недостойных гитлеровцев. В его воспитательных по праву должны числиться и те, кто ликовал по поводу запрета компартии в ФРГ, и те, кто покровительствует сколачиванию агрессивных бандов, и те, кто в преступной слепоте своей вооружает бундесвер.